

ЕЁ ВОЕННАЯ ЮНОСТЬ

Бесшабашная молодость многих и многих юношей и девушек нашей необъятной страны рано утром 1941 года резко закончилась. Гигантская по своим масштабам война сразу же приобрела жестокий кровопролитный характер. И от того, как быстро оказывалась помощь раненым, насколько эффективным было их лечение, зависела жизнь, здоровье и возвращение в строй миллионов солдат и офицеров.

Однако, кадров, особенно среднего и младшего медицинского состава, для решения столь грандиозной задачи было недостаточно. Кроме того, необходимо было заменить ушедших в армию медработников, организовать медицинское обслуживание населения в тыловых районах. Поэтому в числе мероприятий, проводимых партией и правительством, важное место заняла подготовка массовых медицинских кадров.

С первого дня войны райкомы комсомола и райвоенкоматы были завалены заявлениями патриотов с просьбами обучить и направить их на наиболее тяжёлые участки санитарной обороны Родины.

Подготовка массовых кадров медработников шла в основном по линии общества Красного Креста. Только в московское отделение этого общества в первые четыре недели войны поступило более 10 тыс. заявлений патриотов с просьбой обучить их медицинскому делу и направить на фронт. Среди них были женщины разного возраста. По всей стране на ускоренных курсах массово готовились медицинские сестры и сандружинницы.

Справка: «С июля 1941 по май 1945 г. на курсах общества Красного Креста было обучено 264 тыс. медицинских сестёр, причём более 100 тыс. из них в течение первого года войны. За это же время общество подготовило более 451 тыс. санитарных дружинниц и около 40 тыс. санитарных инструкторов, обучило по программе ГСО оказанию первой помощи 23 млн. человек».

За этими цифрами скрывается беспримерный в своём роде народный подвиг. Благодаря патристическому движению советских женщин подготовка кадров среднего и младшего медицинского персонала

была развёрнута в таких масштабах, что впервые в истории войн Советская Армия и тыловые госпитали не испытывали недостатков в этих кадрах.

В народной памяти навсегда сохранится светлый образ девушки, шагавшей с санитарной сумкой через плечо по многотрудным дорогам войны. Она была всюду на поле боя, в партизанском рейде, в эвакуационном госпитале, в санитарном поезде, среди руин разбомбленных вражескими стервятниками городов.

Миллионы раненых получили первую помощь, были выхожены и возвращены в строй её заботливыми руками.

...Машеньке Довгаль было всего девятнадцать, когда началась война. Маленькая ростиком, румянощёкая, с ямочками на щеках, улыбочивая, с ярко-синими глазами и бровями-ниточками, она только-только вышла замуж за моряка, который служил в Севастополе на одном из морских военных кораблей. И её безоблачное семейное счастье в один миг разрушил немецкий сапог, грозно затопавший по родной земле от западной границы на восток. Почти сразу же пришло сообщение о гибели мужа, и вопрос решился сам собой: она в числе многих других женщин и девушек написала заявление, успешно окончила ускоренные курсы сандружинниц, и началась её военная жизнь в составе передвижного хирургического госпиталя 47-ой Армии.

Военные госпитали относились к военно-медицинским учреждениям и предназначались для оказания специализированной медицинской помощи военнослужащим и их лечения. А Мария Довгаль попала в полевой подвижной госпиталь. Такие ППГ в декабре 1942, как не оправдавшие себя, были упразднены, и вместо них были созданы хирургические и терапевтические передвижные полевые госпитали. И молодая женщина осталась в хирургическом. Здесь проводились операции по жизненным показаниям и первичная хирургическая обработка ран.

Затем раненые передавались в эшелоны, уходившие в глубокий тыл, чтобы бойцы быстро выздоравливали и возвращались в строй к своим товарищам, дерущимся «за себя и за того парня».

Следует обязательно отметить, что работа сандружинницы не состо-

яла только в том, что она бинтовала раненых, стирала и перестирывала бинты, сушила их, сматывала в тугие валики, которые от постоянных стирок становились всё более и более серо-бурыми, потому что не всегда удавалось их отпарить не хватало воды, а главное времени на их обработку: передвижной хирургический госпиталь постоянно менял маршрут, вывозя из-под обстрела раненых, чтобы далее передать их в эвакуационные эшелоны. Мария Ивановна не любила рассказывать о войне: к тем женщинам, что прошли всю войну, у гражданского послевоенного населения было однозначное отношение к фронтовичкам: «Раз была на войне, значит, не воевала, а ...» и дальше шло матерное выражение относительно поведения таких женщин. Потому и отмалчивались они по большей части о том, что бывали на войне, что они пережили наравне с мужиками, которые в ранено-беспомощном состоянии звали медсестру или сандружинницу то сестричкой, то матерью в зависимости от возраста. Ведь она, маленькая, худенькая, тащила на себе обездвиженного тяжёлого бойца за руки-ноги, цепляясь одной рукой за его гимнастёрку, а другой помогая себе ползти, чтобы уклониться от нечаянной немецкой пули, надрываясь и со слезами на глазах, когда чувствовала, что силы кончаются, а жить-то, ой, как хочется. А самое главное ей очень хотелось помочь этому или другому бойцу, у которого тоже где-то мать, жена или сестра. И ходить, вернее, ползать в поисках раненых после отхода войск приходилось не один километр, и вновь тащить, и вновь уговаривать его «немного потерпеть».

В их госпитале было всего четыре автомашины, на которых перевозили хирургическое оборудование и тяжелораненых, легкораненые чаще всего шли пешком рядом с такой машиной и с медицинским персоналом на большие расстояния. Линия фронта постоянно менялась, а значит, надо быть всегда рядом с ним (фронтом): и машины, и люди-медики тоже были в постоянном движении. Чтобы быстрее передвигаться, медперсонал иногда пользовался эвакопоездом, но это был не самый безопасный путь. И однажды поезд был буквально разбомблен налетевшей немецкой авиацией, когда их

Окончание. Начало на стр. 6

передвижной госпиталь перебрасывали из Курска в Воронеж. Она рассказывала, что тогда почти видела оскаленный рот немецкого лётчика, летевшего на бреющем полёте, или от страха так почудилось, но в числе других однополчан осталась жива только благодаря тому, что убежала далеко в поле, а одиночных беглецов с медицинского поезда не стали достреливать, да и быстро наступивший вечер скрыл их.

До своей части, далеко ушедшей вперёд, они добрались только на Украине, откуда их путь пролёг по Польше и Германии. Война шла к концу, советские войска освободили родную землю, помогали освобождаться от немецкого ига другим странам и народам, и госпиталь, в котором продолжала служить Мария, едва успевал развернуться, как срочно приходилось сниматься с места, чтобы продолжить путь вглубь вражеской стороны следом за частями Красной Армии, которым фашисты при отступлении оказывали яростное сопротивление. Немцы, уже понимая, что война бесспорно ими проиграна, огрызались на каждый шаг советских войск. С обеих сторон было множество раненых, последние дни войны вполне можно назвать кровавой мясорубкой. А медперсоналу в сутки приходилось отдыхать два-три часа, чтобы снова идти к раненым, оказывать им первую необходимую помощь и отправлять в эвакуацию.

И ещё один случай, когда Марию спасла открытая местность, произошёл 5 мая 1945 года. Им объявили, что война уже заканчивается, готовится договор о капитуляции немецко-фашистской армии. Госпиталь в это время находился в поле недалеко от заброшенного ангара немецкого аэродрома под Берлином. И это спасло жизнь Марии и многим сослуживцам: бойцы расположились в этом ангаре, отдыхали, радовались, что войне конец, и не предполагали, что это ещё не всё: из лесочка выскочила большая и хорошо вооружённая группировка фашистов, превратившая солнечный день в кромешную мглу для многих, не ожидавших такого внезапного нападения и так и убитых внезапными выстрелами, не успевших даже оружие взять в руки, чтобы дать отпор. А немцы побоялись идти в сторону открытой местности туда, где расположился госпиталь. Но ещё несколько дней остатки этой группировки

появлялись то тут то там, пока, наконец, их не добились.

И вот он - День Победы! Госпиталь приказали свернуть и выехать в Берлин.

А потом встреча на Эльбе с американскими солдатами, откормленными, ухоженными, гладко выбритыми и надушенными таким ароматом, что наши солдаты и медперсонал прятали глаза от стыда и смущения: они всё ещё были небритыми-немытыми и, как рассказывала сама Мария Ивановна после просмотра фильма «Нормандия - Неман», обовшивленными. Она тогда горько плакала, когда после просмотра рассказывала своей подруге Розалии Михайловне Журиной об этой встрече: «Чего врут? Это американцы были красивыми и чистыми, а мы были замурзанными, грязными и вшивыми! Да нельзя нам было говорить про это!».

Видела юная Мария и Маршала Георгия Константиновича Жукова, который выступал на железнодорожной станции перед уходящими в Советский Союз воинами-освободителями. Этим же поездом прибыла домой и Мария, да вся родня сгинула в годы страшной войны.

Ещё на войне Маша познакомилась с выздоравливающим раненым, полюбили они друг друга, и вскоре Мария поняла что у них будет ребёнок, но при очередной немецкой бомбёжке, падая на землю, она упала как раз на уже виднеющийся живот. Молодой человек, отец ребёнка, быстро оправившись от ран, пошёл дальше громить врага, да где-то сгинул на чужой земле, и кинулась она на другой край страны: «До Берлина дошла, а чего до Камчатки не доехать?».

И доехала вначале до Елизово, а потом волею судьбы в 1960 году оказалась в Олюторском районе. После того памятного для неё падения от взрыва немецкого снаряда Мария Ивановна так и не смогла иметь детей. Уже проживая в Хаилино, приглянулась она вдовцу с двумя мальчишками, тот предложил сойтись. Но что-то не сладилось у пасынков с мачехой, и отец вскоре забрал их и уехал, а Мария Ивановна больше и не искала себе мужа.

В 1967 году она познакомилась с приехавшей с Амура в национальное северное село Хаилино семьёй Журиных. И стали Розалия Михайловна Журина и Мария Ивановна Довгаль подругами одна фронтовичка, другая труженик тыла. За чашкой чая после баньки обеим

было что рассказать друг другу о той проклятой войне.

Розалия Михайловна с семьёй вскоре переехала в Тилички, потому что в Хаилитно была только начальная школа, а потом и Мария Ивановна осела в райцентре ей приходилось много лечиться, военные годы, пережитое за многие и многие месяцы сказались на её здоровье: она стала очень сильно страдать от высокого давления. Да и старость резко подкатила к ней, ноги перестали слушаться, стала пользоваться инвалидной коляской. И остаток жизни Мария Ивановна Довгаль доживала в Елизовском доме инвалидов. К своей военной профессии Мария Ивановна не вернулась, ей хватило другой работы, тем более, что она говорила: «На войне насмотрелась столько крови, что мне никакая профессия медсестры или врача не нужны!».

У неё было множество правительственных наград, но они утерялись при пожаре, случившемся там же, в Хаилино, а восстанавливать их не стала: «Зачем они мне нужны? Я знаю, что была на войне, а больше это никому неинтересно и не нужно!». Но при подготовке списка участников Великой Отечественной войны советник по делам архивов по Олюторскому муниципальному району Галина Николаевна Тужилкина указала: «Мария Ивановна Довгаль, 1922 г.р., с ноября 1941 по май 1945 года служила в 747 полевом госпитале 47 Армии. Награждена Орденом Отечественной войны 2 степени, медалью Жукова. Такие сведения возможно взять только у районного военного комиссариата».

А я уверена, что людям как раз и должно быть интересно, что эта маленькая женщина, как и множество других советских женщин прошла о от Северного Кавказа самого Берлина, своим благородным служением воину-освободителю, внесла лепту в Победу: ведь военная медицина в годы войны была призвана обеспечивать сохранение здоровья и спасение жизни советских воинов.

В годы войны на фронте и в тылу трудилось свыше 200 тысяч врачей, полумиллионная армия средних медицинских работников, среди которых была и Мария Ивановна Довгаль.

Светлана Жданова.

От редакции: Хотя данный материал уже публиковался, но, тем не менее,

он является напоминанием о тех людях, которые жили и трудились с нами и которые завоевали этот мир для нас!